

Дьердь Шпира ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

К истории политической деятельности
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*
Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*
М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья
К советскому читателю (от автора)
Трагический путь Иштвана Сеченьи
Лайош Баттяни
Клинок Шандора Петефи
Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: *Belle Garde*
и редакторы библиотеки *Vive Liberta*
и Век Просвещения, 2010.
Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

Р.Авербух.

Революция и национально-освободительная война
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

КЛИНОК ШАНДОРА ПЕТЕФИ

В переломный день 13 марта 1848 года Петефи написал свою знаменитую "Национальную песнь", в которой есть такие строки:

Блещет цепь, но вдвое краше
Засверкает сабля наша.
Так зачем носить оковы?
Пусть клинки сверкают снова!¹

Однако когда Петефи писал эти строки, он и не подозревал, что случилось в тот же день в Вене; и только потому не мог сформулировать их как призыв к началу приближающейся венгерской революции. Он просто хотел своим стихотворением способствовать успеху того народного собрания, которое было назначено на 19 марта на Ракошском поле; цель этого собрания — дать свое "благословение" сформированным Петефи и несколькими его радикальными товарищами за два дня до этого двенадцати пунктам. В момент составления их они хотели представить эти двенадцать пунктов на рассмотрение заседавшего в это время сословного собрания — причем в виде самой обыкновенной петиции. И разумеется, они пока были далеки от мысли, что смогут отважиться на нечто большее, нежели только на этакую внешнюю моральную поддержку либеральных господ-дворян, которые в течение уже нескольких месяцев вели в государственном собрании бесплодную борьбу со своими консервативными противниками.

Однако на другой день вечером и в Пеште распространилась весть о победе революции в Вене, и теперь уже и Петефи приходил к выводу, что недостаточно полагаться только на либералов государственного собрания, этих "героев однодневной политики" — ведь "они не те великие актеры, которым суждено на сцене мира разыграть грандиозную драму возрождения, а только декораторы и статисты, задерживающие занавес и выносящие на сцену столы и стулья"², и что после случившегося он и члены его кружка должны взять инициативу в свои руки, и к тому же сейчас, "завтра же! Послезавтра, быть может, уже будет поздно".

Правда, в чем должна была проявиться эта инициатива,

¹ Петефи Шандор. Собр. соч. в четырех томах, т. 2, М., 1952, с. 297.

² Здесь и далее фрагменты из дневников и писем Петефи даются по: Петефи Шандор. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1953.

Петефи описывал все еще очень сдержанно: поскольку "логически первым шагом революции, первейшей ее обязанностью является освобождение печати", "завтра мы должны завоевать свободу печати". Однако уже в остальном "я полагаюсь на бога и на тех, кто призвал продолжать начатое", потому что "я призван дать только первый толчок". Петефи, разумеется, сам лучше всех знавший, сколь "мало, мало еще наше войско", видел, что у этого войска сил не очень-то хватит на большее, чем сделать первый шаг. Таким образом, если эта армия ставила бы своей целью нечто большее, чем сделать первый шаг, то она все равно не добилась бы успеха, самое большее, чего она могла бы добиться, так это толкнуть в лагерь противника и либералов, которые, хотя и были более умеренны, чем он сам, и до сего времени больше говорили, чем делали, тоже были сторонниками буржуазных преобразований. Если же его армия довольствуется тем, что сделает первый шаг, то тогда она сможет рассчитывать — и именно только тогда — на то, что этот первый шаг будет продолжен, ибо, если она сделает только один этот шаг, но сделает его успешно, она тем самым успокоит тех же самых либералов; и тогда не только не толкнет их в лагерь противника, а, как раз наоборот, стимулирует их к тому, на что с учетом их численности только одни они и пригодны, а именно "продолжить начатое".

Поэтому Петефи, хотя вечером 14 марта он уже считал возможным взять на себя роль *инициатора*, не пытался, однако, взять на себя *руководящую* роль. Напротив, он неизменно придерживался той своей точки зрения, которую сформулировал за три дня до того в стихотворении "Магнатам", проникнутом более неприкрытой, чем когда-либо ранее, ненавистью к ним:

Значит, вы согласны — ждем вас, господа,
Встретить вас приветом рады мы всегда.
В цепь одну, как звенья, мы сплестись должны —
Все мы нашей скорбной родине нужны!¹

И от этой своей точки зрения он не отрекся и на следующий день, когда небольшая армия мартовской молодежи, поддержав его оценку обстановки, действительно развязала пештскую революцию, не отрекся от этой своей точки зрения даже несмотря на то, что в тот день к нему примкнула двадцатитысячная толпа. Такой еще никогда не видели улицы Пешта, и даже в самых пылких мечтах он не представлял себе, что сможет всколыхнуть такую массу народа. И главней-

¹ Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 296.

ший местный представитель либерального дворянского движения Пал Няри, который еще утром насмеялся над апостолом революции, к вечеру уже предлагал им свое сотрудничество, правда, прося за это себе право участия в руководстве ходом событий. Петефи и его единомышленники с готовностью уступили его просьбе, а затем, когда и руководители городской буржуазии волей-неволей заверили их в своей поддержке, тоже оговорив право делегировать нескольких представителей буржуазии в организовывавшийся орган власти революции — Комитет общественной безопасности, то группа мартовской молодежи, Петефи и его приверженцы, без звука согласились и на это. Они не протестовали и против того, чтобы их двенадцать пунктов и в условиях изменившихся обстоятельств были вынесены на рассмотрение государственного собрания лишь в виде петиции; о возможности же устранения государственного собрания они и словом не обмолвились, потребовав лишь, чтобы его сессии проводились теперь в Пеште, то есть чтобы деятельность его проходила под непосредственным контролем пештских революционных масс. Когда же спустя четыре дня государственное собрание отклонило даже такое скромное требование, Петефи и его сторонники, проявив покорность, и это приняли к сведению.

Подобная готовность к действиям в сочетании с трезвым благоразумием полностью соответствовала требованиям исторического развития в тот момент. Ведь Венгрия уже насущно нуждалась (и одновременно имела возможность в такой благоприятной форме, какой, пожалуй, никогда больше не имела) в том, чтобы заменить феодальную структуру внутреннего устройства капиталистической в своей основе системой. Руководитель борьбы за буржуазные преобразования, длившейся десятилетия, но достигшей до этого лишь весьма малых результатов, — либеральное дворянство не способно было, однако, без внешнего толчка отважиться на решительные шаги потому, что, будучи привязано многими нитями не только к грядущему капиталистическому строю, но также к существующему феодальному строю, имело весьма противоречивые интересы. И все же его нельзя было лишать руководящей роли просто потому, что в данных условиях венгерского общества не было другой по-настоящему значительной общественной силы, которая могла бы взять у него эстафету руководства борьбой за буржуазные преобразования. Таким образом, когда Петефи взял на себя инициативу, отнюдь не стремясь при этом взять на себя и руководство, он сделал лишь то, что необходимо было сделать: сделать меньшее было бы упущением, большее — безумием. И об этом как нельзя лучше свидетельствует то, что либеральное дворянство

теперь уже действительно выстроило свои боевые ряды, но развернуло фронт не против еще более последовательных, чем оно, приверженцев дела буржуазных преобразований, а против представителей феодальной реакции.

Именно поэтому Янош Вайда¹ справедливо назвал день 15 марта "днем Петефи". Это справедливо потому, что, оценивая события 15 марта, сам Петефи чувствовал, что:

Одним вот этим днем великим
Вся жизнь увенчана моя!
Наполеон, моею славой
С тобой не обменяюсь я!²

И поэтому очевидно, что начиная с 15 марта Петефи приобрел бы в Венгрии такую популярность, которую можно было бы сравнить только с популярностью Кошута, если бы он теперь снова и уже навсегда вложил свой клинок в ножны и больше бы к нему не притрагивался, а брался только за перо.

Но только. . . только возможности такого славного выхода из повседневных политических боев ему было не дано. С победой 15 марта дело буржуазных преобразований, как известно, еще не одержало окончательной победы. Хотя либеральное дворянство теперь, наконец, и сделало большой шаг вперед по пути буржуазных преобразований, этим, однако, оно отнюдь не освободилось из той сети, в которую его втянула противоречивость его интересов, и поэтому возникла опасность, что оно и впредь будет колебаться, а то и вообще станет пятиться назад. Но еще более весомым был тот факт, что 15 марта и силы консерватизма не потерпели уничтожающего поражения, а вынуждены были только отступить, и поэтому можно было рассчитывать, что если, опомнившись после первого потрясения, им удастся привести в порядок свои ряды, то со временем они еще перейдут в контрнаступление и попытаются, хотя бы постфактум, вернуть себе то, что потеряли. А эта опасность делала еще более серьезной первую — опасность возможного колебания либерального дворянства: ведь этот руководящий слой революции именно в силу противоречивости своих интересов и сам был не только в выигрыше от революции, но и в проигрыше, и поэтому не исключена была возможность того, что впоследствии он мог столкнуться со значительно более сильным сопротивлением, чем раньше, со стороны тех, кто только пострадал от революции.

¹ Вайда Я. (1827—1897) — поэт, писатель и публицист, один из крупнейших венгерских лириков XIX века.

² Петефи и Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 301.

Оно (дворянство) проявило бы большую готовность к примирению с ними, нежели рискнуло бы вступить в борьбу с сомнительным исходом, к тому же за такое дело, которое он сам считал лишь отчасти близким своему сердцу.

Таким образом, политическая жизнь и после победы 15 марта пока не могла обойтись без Петефи. И это он сам отлично понимал. Поэтому и в последующие дни он продолжал действовать активно, но в том же духе, что и 15 марта: иначе говоря, он по-прежнему стремился к тому, чтобы и дальше побуждать либералов сделать в революции новые шаги вперед, но никоим образом не оказывая такого давления, которое бы вынудило их перейти в лагерь противника. Когда, например, либеральное большинство Комитета общественной безопасности 16 марта твердо отказалось от того, чтобы в соответствии с пожеланием Петефи и его приверженцев широко распахнуть ворота во вновь создаваемую национальную гвардию Пешта для многих тысяч рабочих и студентов, стремившихся взяться за оружие, а тем временем начали распространяться слухи (и небезосновательные), что запланированное на 19 марта, но оказавшееся излишним вследствие происшедших за это время событий народное собрание все же состоится на Ракошском поле (причем именно в этот день) и что оттуда "смутьяны разъедутся во все части страны" и "тогда беда всем капитулянтам, хотя бы уже потому, что в кармане у готовящихся в поездку "миссионеров" будет (с целью оглашения) рукописная копия страшного стихотворения Петефи, написанного еще 11 марта, но еще не напечатанного, в котором якобы есть такие строфы:

Эй вы, миллионы! В поле, на простор!
Забирай лопату, косу иль топор!
Случай нас торопит, он ведет нас в бой,
Час великий мщенья возвещен судьбой.

Баре, вы веками пили кровь рабов,
Нынче вашей кровью напоим мы псов.
Вилами на свалку! Догнивайте там!
Нынче пир великий будет нашим псам!..¹

Петефи и пальцем не шевельнул, чтобы опровергнуть подобные разговоры. Но, когда наконец либеральные члены Комитета общественной безопасности уступили и после долгих проволочек все же согласились на то, чтобы хотя бы часть же-

¹ Петефи и Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 295.

лающих рабочих и студентов вступила в национальную гвардию, некоторые стали спрашивать у Петефи, какова же в конце концов цель стихотворения "Магнатам", он, ни минуты не медля, заявил, что у него теперь уже никаких целей, связанных с этим произведением, нет и что он окончательно отказался от мысли опубликовать его, более того, он уничтожит распространившиеся в рукописи его многочисленные копии, "где только найдет".

И в подобных ситуациях Петефи поступал аналогичным образом, так что в эту пору даже самые умеренные либералы не могли отказать ему в признании. "Мы снимаем шляпу перед Петефи, — писал, например, 20 марта представитель правого крыла либерального дворянства Лайош Ковач, — он один из самых замечательных людей страны. С такой же притягательной силой, какую он проявил при подготовке волнений, пронизав все своими стихами, своими речами, он оберегает ныне порядок..."

Однако по истечении первых двух недель революции положение резко изменилось. Так, в конце марта представители старого режима, которые до этого в своей беспомощности, по существу без сопротивления, приняли все требования революции, вдруг стали проявлять все большее упрямство и сразу показали зубы. Двор, до сего времени дававший согласие на кодификацию одного за другим революционных законопроектов, разработанных государственным собранием, 28 марта неожиданно отказался дать одобрение законопроектам об освобождении крестьян от крепостной зависимости и об образовании самостоятельного венгерского правительства и выступил с претензией, чтобы государственное собрание осуществило такие изменения в этих законопроектах, согласно которым освобождение крестьян должно было произойти лишь после предварительного обеспечения компенсации помещикам, а запланированная венгерским правительством большая самостоятельность в военных и финансовых делах должна быть существенно ограничена. Правда, Габсбурги, которым в это время пришлось считаться, помимо венгерской революции, не только с венской, но также и с миланской и венецианской революциями, пока не в состоянии были эти наступательные попытки расширить до всеобщего наступления, направленного на полное удушение венгерской революции. Но только и положение венгерской революции на протяжении предшествующих двух недель тоже не стало более благоприятным и, следовательно, и венгерская революция тоже была не в силах ответить на эти претензии более мощным ударом, чем две недели назад, и попытаться подорвать позиции Габсбургов, которые ей не удалось разрушить в первом штурме.

Таким образом, ни одна из противостоявших друг другу сторон в тот момент не имела шансов на то, чтобы окончательно одержать верх над другой, и потому ни одна из них не прибегла в это время к крайним средствам. Политическими же средствами и та и другая стороны могли добиться лишь частичных результатов; только частичных: двор — максимум того, чтобы (как он и потребовал 28 марта) несколько сузить рамки буржуазных преобразований в Венгрии. Максимум того, что могла сделать венгерская революция, — это побудить двор отказаться от выдвинутых им 28 марта требований. Итак, начавшееся 28 марта состязание 31 марта уже завершилось взаимными уступками (правда, со стороны Габсбургов большими, а со стороны венгерской революции меньшими). Двор в конце концов согласился как на немедленное проведение в жизнь освобождения крестьян от крепостной зависимости, так и на узаконение большей части мер, призванных обеспечить самостоятельность венгерского правительства; в то же время государственное собрание согласилось на некоторую корректировку первоначального текста статьи закона, определявшего компетенцию и функции венгерского правительства. В частности, на то, чтобы вопрос об использовании венгерских войск за пределами страны и в дальнейшем решался исключительно монархом; и в этом вопросе в отличие от большинства других вопросов короля в случае его отсутствия не мог заменить палатин.

Таким образом, сословия прониклись уверенностью, что в ходе кодификации (оформления революционных законопроектов в законы) все же удастся свести отношения между Венгрией и австрийскими наследственными провинциями почти до уровня персональной унии. Эту уверенность не поколебала даже вероятность отмены Веной закона об освобождении крестьян. Ибо дворянство считало очевидным, что затягивание освобождения крестьян превратило бы всю страну в арену крестьянского восстания сокрушительной силы, и поэтому само государственное собрание приняло, хотя и со страстным протестом, требование двора от 28 марта. Однако протест государственного собрания сам по себе еще не мог вынудить двор к последующему отступлению. Для того же, чтобы склонить придворные круги согласиться на такую форму самостоятельности Венгрии, надо было пробудить в них спасительный страх, что в противном случае они должны приготовиться к полному отрыву Венгрии от монархии. Для пробуждения же такого страха недостаточно было даже бурного сопротивления государственного собрания, поскольку о полном отрыве Венгрии не помышляли и самые либеральные представители сословного дворянства (хотя бы уже

из-за движения национальных меньшинств, с которыми без помощи Габсбургов они едва бы справились). И это хорошо понимали и в Вене.

Итак, чтобы все же вынудить двор к новому отступлению, было необходимо, чтобы к барьеру снова вышли и пештские революционеры. И пештцы не стали медлить; в Пеште в последние дни марта одно за другим происходили собрания, становившиеся все более ожесточенными, и на них все больше людей требовали полного отделения Венгрии от Австрии, а некоторые их участники настаивали на отмене королевства и учреждении республики как формы правления. Во главе тех, кто ратовал за это, опять-таки был Петефи, который и теперь не ограничивался выступлениями и организаторской работой, а создавал и стихотворения "Восстало море" и "Королям", которые сам назвал "первым публично высказанным выражением венгерского республиканизма". Таким образом, понятно, что активные приверженцы двора в Пеште в это время наводняли Вену потоком отчаянных донесений, единодушно выражая в них свое мнение: "Если в течение нескольких дней не состоится благоприятное решение этой проблемы, особенно в плане, касающемся министерства финансов и военного министерства, то Венгрия будет потеряна для династии", — и ныне уже доказано, что поводом для отступления 31 марта послужили именно эти донесения.

И та неоценимая услуга, которую Петефи в конце марта во второй раз оказал делу преобразований, оказалась напрасной. Симпатия, которой он пользовался до сих пор в либеральных кругах, теперь, несмотря на это, а, может быть, именно в силу этого, сразу исчезла, что — по крайней мере так кажется — объясняется той случайностью, что стихотворение "Королям", к несчастью, было напечатано лишь 1 апреля, то есть тогда, когда уже и в Пеште стало известно об отступлении двора. Хотя если бы это стихотворение действительно было бы опубликовано еще до исхода этой схватки, то впоследствии, задним числом, Венгрия 1848 года точно так же обвинила бы его в том, что он пять раз в этом стихотворении посмел возгласить на весь мир:

Что бы там лъстецы ни толковали —
Нет возлюбленного короля!¹

Потому что в Венгрии, где не только сотни тысяч привилегированных, можно сказать, почти с религиозным благого-

вением были привязаны к короне, но и миллионы лишенных до этого всех прав (безразлично, были ли на то основания или нет) единственно в обладателе короны видели своего защитника, многие ли могли понять, что и вправду эти слова в данный момент нужно было произнести на весь мир — и именно потому и ради того, чтобы Венгрия из абсолютной монархии могла бы стать хотя бы конституционной монархией?

Таким образом, отнюдь не в неудачной очередности следовавших событий кроется причина того, что, по мнению Петефи, начиная с этого момента либераль революционного лагеря уже немногим отличались от сторонников контрреволюции, а в том, что он, Петефи, — независимо от времени и положения, в которых предал гласности свою республиканскую приверженность, — вообще когда угодно отваживался провозглашать более высокие цели, чем либералы, так как, хотя его цели практически пока были недостижимы и, следовательно, их провозглашение пока могло способствовать лишь тому, чтобы в лучшем случае эти более умеренные (либералы) приблизились к осуществлению своих целей, то обстоятельство, что они знали его убеждения, порождало в них опасение, что он со временем продвинет революцию дальше приемлемых для них границ.

Однако "грех" Петефи не только в том, что он поднялся выше всех других своих современников, но и в том, что со своей высоты он лучше и дальше всех видел мир. И эта его особенность обособляла его не только от либералов революции, но и от определенной части его непосредственных соратников из мартовской молодежи, как это впервые выявилось тогда же, 1 апреля. Ведь 1 апреля собрался на свое заседание Комитет общественной безопасности комитата Пешт, созданный 22 марта по образцу Пештского городского комитета безопасности, чтобы обсудить самые последние новости не только о том, что двор отказался от подавляющего большинства выдвинутых им 28 марта требований, но также и о том, что "в обмен" на это сословия и члены находившегося в стадии формирования либерального правительства, не желая доводить дело до разрыва, также в чем-то уступили и склонили голову перед двором, приняв те его второстепенные требования, от которых Вена по-прежнему не собиралась отступать. Но весть о сделанных двору уступках на этот раз с одобрением встретили не только собравшиеся в здании комитатского собрания либералы, но и большинство присутствовавших здесь же представителей мартовской молодежи, даже те, кто не намного отставал от Петефи в вопросах республиканизма.

Когда на этом заседании один из представителей мар-

¹ Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 307.

товской молодежи, Даниэль Ираньи¹, резко выступит против уступчивости государственного собрания, сложилась такая беспрецедентная ситуация, что справедливость его слов стал оспаривать не только Пал Няри, но и другой член кружка мартовской молодежи – Йожеф Ириньи². В результате этого Петефи, разделявший, разумеется, взгляды Ираньи, но справедливо опасавшийся, как бы дальнейшее ожесточение дискуссии не привело к непоправимому расколу в среде мартовской молодежи, в конце концов – как ни был он прямодушен – был вынужден “проглотить” собственное мнение и ограничиться следующей репликой:

– Я увидел дрожащие бледные лица. Мне не хотелось бы впредь видеть такими сынов моей нации; поэтому сейчас, чувствуя себя связанным, я вкладываю свой клинок в ножны, но ломать его не собираюсь!

И правда, то, что произошло на этом заседании, само по себе и с точки зрения ближайшего будущего не имело особого значения, потому что представители противоборствовавших тогда взглядов считали в одинаковой степени угрожающей серьезными опасностями точку зрения противной стороны; на самом же деле победа одной или другой точки зрения не могла породить никакую реальную опасность. Напрасно поэтому сторонники уступок ссылались на то, что если Венгрия откажется сделать какие бы то ни было уступки, она тем самым вызовет немедленное вооруженное нападение контрреволюции. В действительности же контрреволюция пока была не подготовлена к подобному вооруженному выступлению, и если бы пештские революционеры продолжали настаивать на своих чрезмерных требованиях, а государственное собрание, используя это обстоятельство, решительно отказалось даже от малейших уступок, то двору пришлось бы принять к сведению и это. Но напрасно ссылались противники уступок на то, что те уступки, на которые согласилось государственное собрание, роковым образом ослабляют государство. В действительности исход последующего вооруженного столкновения революции и контрреволюции (которое так или иначе должно было произойти) не очень-то зависел от того побочного обстоятельства, кто подпишет, перед тем как начнется вооруженная борьба, приказы, определявшие задачи венгерских войск, находившихся за пределами страны, – монарх или палатин.

Однако если с точки зрения непосредственных последст-

¹ Ираньи Д. (1822–1892) – активный участник революции 1848 года, публицист и политический деятель.

² Ириньи Й. (1822–1859) – политический деятель левого направления, писатель.

вий было совершенно неважно, какая точка зрения в конце концов одержит верх в дискуссии в комитатском собрании, то значение различия во мнениях, резко обозначившегося 1 апреля, никак нельзя недооценивать. И в частности, потому что существенное различие во мнениях, возникшее на этот раз в ходе дискуссии между противными сторонами, отнюдь не ограничивалось оценкой повседневных вопросов, а касалось и оценки будущего, перспектив революции. Так, из высказываний представителей мартовской молодежи, сгруппировавшихся на стороне либералов, явствовало, что они не только потому сразу стали поддерживать политику уступок, что разделяли опасения либералов о том, что, если Венгрия отклонит любые уступки, она тем самым сразу вызовет вооруженное наступление контрреволюции, а потому, что разделили только что появившуюся у либералов надежду, что если Венгрия сейчас пойдет на некоторые уступки, то этим навсегда устраним опасность контрреволюционных выступлений. В противоположность этому Петефи и в мыслях не имел цепляться за подобные надежды; наоборот, он был убежден в том, что “нет, революции не пришел конец”, что то, что произошло до сих пор, “лишь первое действие”, и что для Венгрии только после этого наступят самые тяжелые времена.

Таким образом, когда после окончания заседания 1 апреля Петефи вернулся домой и стал вспоминать, какие трескучие фразы пускал в ход в комитатском собрании Няри, говоря о необходимости “дорожить каждой каплей еще не пролитой крови граждан”, он не мог удержаться от того, чтобы хотя бы в своем дневнике не ответить этому фразеру: “Кровь, быть может, и пролилась бы... А вы что же, без кровопролитий желаете переродиться? Дай-то бог, только ничего из этого не выйдет! Земле, чтобы она была плодородной и цветущей, не только дождь, но и кровь временами нужна, и ежели мы вовремя ее не напоим, то позднее она истомится от жажды и потребует вдвое”. Петефи был далек от того, чтобы видеть вокруг себя политые кровью поля; он и теперь был тем же самым человеком, который следующими словами приветствовал революцию 15 марта в Пеште, сравнивая ее с прекрасным младенцем: “Ты прекрасен, прекрасней всех своих братьев у нас, ибо не в крови ты выкупался, как они; ты омыт чистыми слезами радости. И не холодные, окоченевшие трупы были подушками в твоей колыбели, а горячие, трепетные сердца”. Петефи – не какой-нибудь “любитель”, случайный примкнувший к революции, а истинный революционер, желавший видеть не только то, что приятно видеть; и поэтому он хорошо видел и то, что нет таких частных уступок, которые могли бы надолго удовлетворить Вену, и что последняя рано или поздно должна будет попытаться

ликвидировать основные завоевания венгерской революции, в том числе и те, против кодификации которых она пока не сочла нужным даже протестовать.

Однако сколь ни была велика в данный момент дистанция, отделявшая Петефи в оценке шансов на будущее в тот момент не только от либералов, но и от определенной части мартовской молодежи, он все же оказался вынужденным вложить в ножны свой клинок и достаточно долгое время не мог братья за оружие. Причем именно потому, что в отличие от тех и других он был уверен, что рано или поздно, но дело обязательно дойдет до всеобщего наступления контрреволюции. Сознание этого должно было побудить его ни за что на свете не углублять пропасть, которая разделяла его и его менее дальновидных сторонников по революции, а скорее постараться засыпать ее. Ибо если бы еще и часть мартовской молодежи отдалилась от Петефи, то у него было бы еще меньше шансов, чем раньше, на то, чтобы его точка зрения была принята. А обострением расхождений он добился бы лишь подрыва лагеря революции, то есть лишь облегчил бы дело контрреволюции. Если же теперь он принудит самого дела контрреволюции, то хотя это и сопряжено с риском, что внутри лагеря революции в течение какого-то времени и будет распространяться слепота в отношении замыслов контрреволюции, он тем самым создаст возможность, чтобы этот лагерь относительно единым встретил момент нападения контрреволюции. А если этот момент наступит не слишком скоро, то тогда тем более он может рассчитывать и на то, что за это время сами события пробудят во многих бдительность в отношении контрреволюционной опасности.

Поэтому начиная с сего момента Петефи был вынужден длительное время держать в ножнах свой клинок. И ему, по зову сердца бившему непрестанно в тревожный набат, наверное, было нестерпимо горько, что он должен все время себя сдерживать. Однако другого решения ему никак не удавалось найти. Поэтому он или сравнивал себя с "орлом, томлящимся в клетке", или писал следующее:

А я стою, коню подобен,
Когда, разгорячен трубой,
Он храпом, фырканием и ржаньем
Хозяина торопит в бой¹.

Но потом он вновь умирал себя, и, если снова представлялся случай, как, например, 5 апреля на митинге перед зданием Венгерского Национального музея, выступить перед

общественностью, он был последователен в своем нежелании его использовать.

И так он поступал не только в период после 1 апреля, но и на протяжении недель, следовавших за закрытием старого сословного государственного собрания и вступлением в свои права правительства Баттяни. Хотя те иллюзии, которые правительство питало к двору и о существовании которых могла дать все больше подтверждений и повседневная деятельность правительства, постепенно приводили в полное отчаяние этого человека, более, чем кто-либо, отождествлявшего свою судьбу с судьбой революции. Это отчаяние снова вложило ему перо в руку и водило его при написании "Песни о черно-красном знамени".

Враги на пороге. А мы наготове?

Что делают власти?

Им встать бы на стражу, но прячутся в башне:

Там дремлется всласть им!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье —

Так в черное с красным знамена окрасьте!¹

Однако это свое стихотворение Петефи и не пытался опубликовать, а, написав, сразу же "похоронил" в ящике письменного стола; в печати же в это время только в дневниковых записях, опубликованных 1 мая, он выступил против политики правительства, хотя по сравнению с этим стихотворением в более умеренном тоне: "Если министерство верит в нацию, пусть выступит от ее имени с полной решимостью, а если не верит, то как же оно посмело взять на себя руководство целой страной, на которую, по собственному убеждению, не может опереться. Но, — продолжает он далее и делает упор на следующие затем строки, — пусть министерство знает, что оно в такой же мере может надеяться на нас, в какой мы уверены в нем; мы его не предадим, не покинем трусливо, пока оно будет нести перед нами знамя счастья и славы нашей родины..."

Таковыми действиями Петефи удалось добиться того, что мартовская молодежь, наподобие либералов убаюкивавшая себя иллюзиями по отношению к Вене, полностью не отвернулась от него. Однако ценой этого успеха явилось то, что теперь от него начали отдаляться на другой стороне: его бывшие соратники, которые, так же как и он, освободились от подобных иллюзий и поэтому и сами со все большим возмущением отмечали в деятельности правительства (особенно в достижении самостоятельности в области военных дел)... проявлявшееся на каждом шагу бессилие; однако они были

¹ Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 334.

¹ Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 314.

уже недостаточно хладнокровны, чтобы заткнуть себе рот кляпом. Наоборот, они утверждали, что в данных условиях задачей левых должно стать именно "поддержание страстей в состоянии постоянного возбуждения". Тщетно Пал Вашвари¹, во всем отождествлявший себя с Петефи, добивался решения о том, чтобы 8 мая наконец распахнулись двери Мартовского клуба, созданного для сплочения всей мартовской молодежи. Неудовлетворенные не присоединились к этому форуму, носившему партийный характер, они создали свою самостоятельную организацию под названием "Клуб демократии" и сразу же приступили к работе.

Так, 7, 8 и 9 мая прошли организованные по инициативе Клуба демократии "кошачьи концерты" с целью добиться увольнения посаженных во времена старого режима на высокие посты контрреволюционеров, которых правительство Батяни также назначило на важные государственные должности. А 10 мая состоялась демонстрация против генерала от кавалерии барона Игнаца Ледерера; ее организаторы аналогичным образом хотели добиться удаления с поста главнокомандующего вооруженных сил в Венгрии этого до мозга костей реакционного вояки, который даже и не пытался скрывать, что он смотрит на венгерское правительство как на пустое место, хотя 31 марта государственным собранием было принято окончательное решение, а 11 апреля был издан утвержденный монархом закон, в соответствии с которым в Венгрии "впредь по всем военным делам его величество будет осуществлять исполнительную власть исключительно через венгерское министерство", Ледерер считал для себя обязательными приказы, поступавшие только из Вены. Демонстрация 10 мая закончилась "кровавой баней", которую учинили над толпой солдаты Ледерера.

Эта кровавая расправа явилась не только потрясающим событием, но и подлинной встряской, и поэтому под ее воздействием внезапно расширился круг критиков правительственной политики слева. Так, например, граф Ласло Телеки, представитель левого крыла либерального дворянства, узнав о попытках организовать контрреволюционные силы в Хорватии, уже в конце апреля потребовал от правительства "формирования венгерской армии, независимой от императорской армии и рекрутируемой из добровольцев на основе вербовки по всей стране", 10 мая, очевидно, обнаружив, что Венгрии угрожает опасность со стороны не только и не в первую очередь от Хорватии, на следующий день возобновил

¹ Вашвари П. (1827–1849) – сторонник Петефи, представитель левого крыла мартовской молодежи, активный участник национально-освободительной борьбы 1848–1849 годов.

уже не только это свое требование, но и сам выступил за увольнение Ледерера с занимаемой им должности, причем к нему сразу же присоединились и многие другие либеральные политики. А те представители мартовской молодежи, которые и раньше не боялись критиковать правительственную политику, если, может быть, и не одобряли "кошачьи концерты", организованные Клубом демократии, теперь пошли еще дальше. Например, Альберт Палфи¹ в своей газете "Пятнадцатое марта" прямо потребовал отставки правительства Батяни, а также того, чтобы после ухода Батяни формирование правительства было поручено тому самому Палу Няри, который еще 15 марта готов был сотрудничать с революционным левым крылом.

Но последнее слово от имени левой оппозиции все же сказал не Палфи, а Петефи. Ибо в свете событий, разыгравшихся 10 мая, и Петефи уже не мог больше удержаться, чтобы снова не схватиться за клинок. Вместе с Вашвари он объявил о созыве 12 мая митинга, на котором, забыв уже о всякой сдержанности, заявил правительству:

— Я не доверил бы этому министерству и собаку свою, не то что родину или себя.

Однако Петефи (не только не разделявший те иллюзии, которые питали Батяни и его коллеги по отношению к Вене, но даже и те, которые Палфи связывал с личностью Няри, Петефи, переставший быть сдержанным, не утратил здравый смысл, а потому и не забывал об истинной расстановке сил) даже теперь не выдвигал в отличие от Палфи идею немедленной отставки правительства. Он только подчеркивал необходимость создания самостоятельной венгерской армии, поддерживая в этом Телеки, и, помимо этого, настаивал на том, чтобы как можно скорее созвать государственное собрание народного представительства (чтобы затем этот орган осуществлял в духе парламентаризма постоянный и строгий контроль за деятельностью правительства).

Однако Батяни и его сторонники, считавшие преобразование Венгрии осуществимым только в случае благожелательного сотрудничества с двором и изо всех сил цеплявшиеся поэтому за свои иллюзии по отношению к Вене, тоже, разумеется, не могли простить Петефи это его выступление, а удовлетворить его требования они вначале решительно отказались. Правда, под влиянием назревавших в Хорватии и в южной части Венгрии антивенгерских национальных движе-

¹ Палфи А. (1820–1897) – друг и соратник Петефи, писатель и политический деятель левого крыла; редактор газеты мартовской молодежи "Пятнадцатое марта".

ний вскоре они и сами вынуждены были прийти к более разумному выводу, и вот через несколько дней все же началось организация первых гонведских батальонов и был объявлен созыв государственного собрания. Однако понять, что за национальными движениями все же в конечном итоге стоит двор, Баттяни и его приверженцы и теперь не смогли. И поэтому (пойдя все-таки по намеренному Шандором Петефи пути) они по-прежнему считали его тяжким преступлением то, что он осмелился критиковать самые основы политики правительства. Так, в порыве первого возмущения Баттяни заявил, что правительство ввело осадное положение в связи с "возбуждающими речами и выступлениями в печати". Правда, более хладнокровные товарищи-министры сумели отговорить Баттяни от этого намерения, в случае осуществления которого Петефи по милости Баттяни легко мог бы кончить свою жизнь так, как кончил Баттяни по милости тех, с которыми объединился он против Петефи. Впрочем, против того, чтобы заставить замолчать Петефи, хотя и другими средствами, уже не возражали и более хладнокровные члены правительства.

После таких предпосылок в один прекрасный майский вечер в пештском кафе "Пилвакс", излюбленном месте собрания мартовской молодежи, появился некто из комитета Шомодь, посланный начальником полицейского отдела министерства внутренних дел (на словах, правда, очень радикальным) Мором Перцелом в сопровождении "нескольких добрых патриотов", который под "решительное одобрение" своих спутников заявил, что тот (как, скажем, Палфи, а тем паче Петефи), кто осмелится сказать что-то плохое о правительстве, "заслуживает наказания" как обычный "изменник родины".

Вскоре пришли в движение также тысячи дворян и мешан Венгрии независимо от того, либеральных или консервативных взглядов они придерживались. Все они в одинаково подобострастных выражениях заверяли правительство, что готовы следовать за ним до конца, если оно решится разделиться с единственным врагом родины — с революционным левым крылом.

И все это принесло свои плоды. Когда началась травля Петефи, он заявил: "Если я уж так грешен, то, ей-богу, я скорее заслужил плаху, нежели то, чтобы всякая мразь, нищие духом типы упражняли на мне свои грязные языки, которыми до сих пор они пользовались только для того, чтобы лизать, как виляющие хвостами покорные псы, все милостивейшие подошвы господствующего тирана". Ведь "если при таких отчаянных обстоятельствах я, не выбирая выражений, заявляю, что не верю министерству, то ставить

это мне в вину могут только те, кто не знает, что такое любовь к родине". Но затем, когда "каждый проходящий мимо считал своим патриотическим долгом бросить камень" в него, он все же пришел к пониманию того, что значительное большинство народа пока еще неясно представляло себе размер грозящей стране контрреволюционной опасности и именно в силу этого не смогло понять и всю неудовлетворительность правительственной политики. И в конце концов у Петефи не оставалось иного выбора, кроме как в газетной статье в целях самооправдания заявить, что тот, "кто предупреждает республику от грозящей ей опасности, не может быть ее врагом". И после этого Петефи снова, уже во второй раз, успешно вложил клинок в ножны.

Однако Петефи и тогда еще не отдалился от политической жизни в такой степени, в какой он это сделал в апреле. И главнейшая причина этого наверняка кроется в том, что развитие событий 10 мая и после 10 мая в какой-то степени вновь сблизило отдалившиеся было друг от друга группы мартовской молодежи. Даже круг левых критиков правительства, после того как Телеки со своими сторонниками ушел в оппозицию, несколько расширился. Эти изменения могли укрепить в Петефи его убеждение, которое наложило свой отпечаток уже на его речь 12 мая, когда он заявил, что новое государственное собрание, избираемое на основе народного представительства, будет явно левым по составу и поэтому сумеет оказать благоприятное влияние на дальнейшее формирование правительственной политики. Но это убеждение, естественно, должно было заставить его (как только правительство объявит наконец о проведении выборов в государственное собрание) самого включиться в предвыборную борьбу.

Когда же Петефи не удалось получить депутатского мандата и выяснилось, что его ожидания оказались беспочвенными и в других вопросах и что в законодательном органе правительству не только не придется столкнуться со значительной оппозицией, а, наоборот, его будет поддерживать подавляющее большинство, это новое разочарование лишь стимулировало Петефи к более активной деятельности. Еще не успело открыться государственное собрание, а он 2 июля уже образовал вместе с Вашвари Демократический клуб, целью которого — как об этом можно догадываться и по его названию, взятому от Клуба демократии, — было объединить в одной организации всю мартовскую молодежь, как и тех, кто вместе с ним стал в мае членом Мартовского клуба, так и тех, кто встал тогда на другой путь и присоединился к Клубу демократии. А спустя несколько недель, когда стало очевидным, что другой клуб левого толка, организованный с

согласия Михая Танчича¹ братьями Мадарас под названием "Общество равенства" и объединивший в первую очередь радикальных дворянских политиков, вошедших в государственное собрание, делал возможным еще более широкую смычку левых сил, Петефи сам, подобно большинству мартовской молодежи, вступил в него, чтобы больше ничто уже не разделяло отдельные группы левой оппозиции правительству, чтобы и впредь можно было действовать едино и тем самым компенсировать численное превосходство тех, кто отошел от них и примкнул к правому крылу.

И все же и в этот период Петефи постоянно испытывал разочарования. Правда, палата депутатов 11 июля с невиданным энтузиазмом единодушно уполномочила правительство провести набор 200 тыс. новобранцев, и это событие на миг внушило веру поэту в то, что

Венгерец вновь венгерцем стал,
Героем стал на поле брани,
И мир, великий мир, глядит
На чудеса в венгерском стане².

Но затем скорее Петефи мог увидеть чудеса и совсем противоположного свойства. Ведь 22 июля палата депутатов громадным большинством уполномочила правительство и на то, чтобы первую партию новобранцев оно послало в Северную Италию в помощь дислоцированным там императорским войскам, хотя они с самого начала вели в долине реки По контрреволюционную по своим целям войну против ломбардских и венецианских борцов за свободу, которые могли бы стать естественными союзниками венгерской революции. Одновременно с этим вышел из печати и законопроект военного министра Лазара Месароша, который исключал всякие сомнения и относительно того, что правительство намерено использовать новобранцев уже не для формирования новых гонведских батальонов, а частично для увеличения венгерских полков императорской армии, укомплектованных пока по штатам мирного времени, до численности, предусмотренной штатами военного времени, а частично для формирования регулярных полков, которые должны будут влиться затем в императорскую армию.

Правда, это показалось "перебором" уже и значитель-

ной части либеральных депутатов, что, очевидно, было связано с тем, что к тому времени, когда законопроект поступил в последнюю неделю июля в палату депутатов, императорские войска после четырех месяцев тяжелой борьбы в конце концов одержали решительную победу в Ломбардии. Таким образом, комитет палаты депутатов, призванный подготовить обсуждение в государственном собрании законопроекта, в ходе предварительных переговоров принял решение поддержать проект Месароша, снабдив его, правда, многочисленными поправками. Но как ни расширилась теперь группа либеральных депутатов, внезапно испугавшаяся и потому сразу начавшая "леветь", она была еще не готова во всем противопоставить свое мнение мнению правительства, и в соответствии с этим большинство при окончательной разработке представления комитета (а затем и на пленарном заседании палаты депутатов) склонилось к тому, что большая часть развертываемых новых военных формирований действительно должна стать гонведскими батальонами; однако это большинство пока не высказалось и против пополнения новобранцами уже существовавших венгерских регулярных полков императорской армии.

Итак, если Петефи после проведения выборов, может быть, и возлагал еще какие-то надежды на будущую деятельность государственного собрания и если решение палаты депутатов от 11 июля по вопросу набора новобранцев, возможно, как-то и подкрепило его ожидания, то теперь он уже раз и навсегда смог освободиться от своих иллюзий. Ибо, видя отдаление большинства либеральных депутатов от правительства, Петефи с удовлетворением констатировал, что "уже раскрываются глаза тех счастливых мечтателей, которые не только доверяли министерству, но и утверждали, что лишь оно может спасти родину", однако масштабами начавшегося в либеральных политиках брожения он не мог быть доволен. Ведь большинство хотя и зашевелилось, но лишь еле-еле, "будто неприятель где-то еще за Гангом и только сейчас наводит через него мост". Хотя в действительности опасность была уже непосредственно близка и если для ее отражения не будут приняты очень быстро и весьма решительные меры, то, как писал Петефи, "мы погибнем, и так позорно, как не погибала еще ни одна нация".

Так к этому времени Петефи все больше убеждался, что хотя глаза "несчастливых министропоклонников" только еще продолжают раскрываться, однако по-настоящему они все еще не прозрели, и поскольку не находится никого, кто раскрыл бы им глаза, то снова ему самому приходится брать на себя инициативу — даже если результатом этого вновь будет его травля наподобие той, которая началась после 12

¹ Танчич М. (1799–1884) — один из руководителей венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 годов. Представитель радикального крыла, писатель.

² Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 358.

мая. Хотя возможно, что в начале августа Петефи не очень-то и опасался повторения такой травли. И вполне вероятно именно потому, что если глаза "министропоклонников" до сих пор полностью еще не раскрылись, то теперь по крайней мере начнут раскрываться, как об этом свидетельствовало, помимо принятия в государственном собрании законопроекта о наборе новобранцев, и то обстоятельство, что в либеральных кругах уже все больше стало насчитываться тех, кто если не признавал, что в мае "Петефи был абсолютно прав", то по крайней мере стал наконец признавать хотя бы то, что в те дни "не совсем был не прав Петефи".

Однако, несмотря на это, Петефи все же не мог предугадать, какой отзвук, благоприятный или неблагоприятный, вызовет среди обществности его новое выступление. Но коль скоро он чувствовал, что начало нового нападения контрреволюции на Венгрию в лучшем случае вопрос только нескольких недель, то непредсказуемый характер ожидаемого отклика уже не мог его удержать, тем более что он признавал только один принцип: "Чем обвинять себя в трусости, я предпочитаю и впредь оставаться жертвой своих смело и беспощадно высказанных убеждений. Я хочу жить в ладу с самим собой, а не со всем миром!"

Итак, 11 августа, когда Венгрию действительно всего один месяц отделял уже от наступления контрреволюции, Петефи на страницах газеты "Пятнадцатое марта" снова выступил перед общественностью и на этот раз обрушился уже не только на правительство, но одновременно и на правительстве и на государственное собрание, к тому же с беспримерным до этого ожесточением:

"Много раз за эту тысячу лет венгерской нации приходилось дьявольски туго, но не думаю, чтобы когда-нибудь существовало более гнусное положение, чем сейчас.

... Мы освободились из-под власти Меттерниха и его клики и получили взамен министерство Баттяни. Поистине можно сказать: "На собаке шерсть сменялась". Те старались погубить нас своими делами, эти погубят бездельем".

А государственное собрание? "Их, этих людей, избирает пробудившаяся, восторженная, мечтающая о действии и готовая действовать нация, а они бормочут что-то, мычат, как беспомощные калеки... Мы, конечно, опомнимся, но только тогда, когда увидим, что попали не между двух, а между четырех огней и что у нас воды достанет, разве только чтобы затушить горящую спичку.

...Страдали мы тысячу лет, потом исходили, плакали кровавыми слезами, с горечью брели сквозь долгую ночь средневековья, — и все для того, чтобы, когда уже наконец рассвело, мы, усталые, потеряли сознание и рухнули на пол-

пути и чтобы первые лучи зари, взошедшей над Венгрией, обвилась смертным венком вокруг головы нашей родины.

..Печально, печально! И это будет так, если нация не поднимется как можно скорей и не выхватит из рук депутатов и правительства ту власть, которую так доверчиво отдала им и которою они не умеют пользоваться, а если и пользуются, то чтобы творить произвол".

Затем в следующие дни уже и в стихах, а также в письмах, обращенных к друзьям, он снова и снова повторял, что "никогда" еще не существовало государственного собрания и министерства более беспомощных и жалких, чем наши", и что, следовательно, "самый главный враг — среди нас", что "самые отвязленные враги нашей свободы и будущего величия находятся здесь, в Пеште", что "печальные нынче пришли времена — отцами ты брошена, наша страна". И после этого ничего не может быть более понятного, как "для начала истребить бы министров и государственное собрание".

Иначе говоря, Петефи, который раньше и не думал об отстранении правительства Баттяни, не поднял этого вопроса и на памятном митинге 12 мая; что же касается государственного собрания, то он даже торопил с его созывом (ибо в то время еще надеялся, что, как бы Баттяни и его приверженцы ни цеплялись за свой ошибочно намеченный путь, на который они вступили в апреле, государственное собрание способно со временем направить их по другому пути), теперь уже, — тем более что либеральное большинство государственного собрания за это время многократно разочаровывало его в его ожиданиях, — даже не заикался больше о том, чтобы потребовать от правительства проведения более энергичной политики, и о том, что надо было бы сменить существовавшее правительство другим, парламентарным правительством, а выступал с лозунгом одновременного низвержения уже и правительства и государственного собрания. И это его выступление ни больше, ни меньше как призыв к установлению революционной диктатуры.

И оно имело свои последствия. Так, например, Акош Бираньи, еще в начале апреля считавший в отличие от Петефи, что если Венгрия удовлетворится достигнутыми до сего времени революцией результатами, то, пожалуй, она сможет сохранить их и без развязывания гражданской войны, — теперь на общем собрании "Общества равенства", созванном 15 августа, уже в значительной мере отражая мнение Петефи, заявил, что после победы императорских войск в Италии "дремлющему венскому абсолютизму достаточно легкого благоприятного ветерка и нам снова уготована участь стонать под его ярмом еще триста лет". И никто из членов общества на этом собрании уже не усомнился в справедливости этого

предостережения. Когда же в следующие дни и на пленарном заседании палаты депутатов шли прения по законопроекту о выставлении контингента новобранцев и большинство одобрило предложение только часть новобранцев использовать для формирования новых гонведских батальонов, радикалы единодушно высказались за необходимость немедленного изменения принятого решения, и именно в том духе, в каком предложил на чрезвычайном заседании "Общества равенства" Вашвари, поддержавший инициативу Петефи, противопоставить само "общественное мнение нации" большинству государственного собрания.

Однако если на основе прозвучавших на общем собрании "Общества равенства" высказываний некоторые либералы тут же осмелились сделать вывод о том, что радикалы теперь все как один поддерживают лозунг Петефи о введении революционной диктатуры, то очевидно, что они сильно преувеличивали. В действительности же на этом собрании даже и не всплыла идея ликвидации строя парламентарного управления (даже у Вашвари), и участники дискуссии в конечном итоге, как раз наоборот, пришли к заключению, что нужно мобилизовать на демонстрацию народные массы и таким путем "выжать" из государственного собрания изменение закона о выставлении новобранцев, а именно, чтобы все 200 тыс. новобранцев влились в венгерские соединения, составив основу национальной армии. И правда, если не в тот момент, то позднее, в начале сентября, уже стало ясно (в том числе и для того же Вашвари), что близившееся нападение контрреволюции со всей очевидностью могло бы отразить лишь правительство, созданное на принципах революционной диктатуры. Однако в бой за установление революционной диктатуры радикалы не пошли и тогда, когда 10 сентября вдруг снова пришли в движение народные массы Пешта, узнавшие о поступающих из Вены плохих известиях. А ведь Петефи в этот день с открытой душой обратился ко всем радикалам:

Час настал. Мы всем народом
Доказать должны на деле —
Или жизнь мы заслужили,
Иль для смерти мы созрели¹.

Однако 10 сентября радикалы все, как один, осознали не только то, что страна подошла к последнему рубежу выбора, но и то, что, хотя за ними вновь пошли такие большие массы, которые лишь однажды, в незабываемый день 15

¹ Петефи Шандор. Собр. соч., т. 2, с. 386.

марта, оказали им свое доверие, тем не менее они даже приблизительно еще не располагали столь большим лагерем, который позволил хотя бы сделать попытку действительно установить революционную диктатуру.

Таким образом, несмотря на ужесточение в начале сентября политики, проводимой радикалами, у государственного собрания и после этого остались еще неограниченные возможности, чтобы в конце концов самому привести в порядок то, что было упущено в августе. И сейчас "отцы отечества" не замедлили воспользоваться этой возможностью: 11 сентября, когда войска контрреволюции действительно вторглись в Венгрию, а правительству Баттяни ушло в отставку, признав тем самым постфактум ошибочность своего политического курса, палата депутатов в одном из своих решений, принятых под воздействием последних событий, прямо заявила (во изменение своего же предыдущего решения), что набираемые новобранцы, все без исключения, должны быть использованы для формирования гонведских батальонов. Это решение вызвало вздох облегчения даже у тех радикалов, у которых в последние недели стало чуть ли не идефиксом опасение, что либеральные руководящие круги революции оставят страну незащищенной перед натиском контрреволюции. Ведь происшедшее в зале заседаний палаты депутатов 11 сентября наглядно свидетельствовало о том, что основная масса либерального дворянства также не склонна отказываться без борьбы от всех завоеваний революции и что, следовательно, допущенные до сего времени либералами промахи проистекают отнюдь не из их безразличия к делу революции, а скорее из их слепоты по отношению к контрреволюции, и, значит, теперь, когда угроза контрреволюции стала реальным фактом, можно уже не опасаться повторения впредь подобных промахов.

И после всего этого идея революционной диктатуры еще больше стала отходить на задний план; начиная с 11 сентября, видя "прекрасные, блестящие боевые доспехи", в которые облачилось государственное собрание в этот день, даже Петефи не выступил больше за устранение либерального дворянства от власти. С этого момента и все его старания были направлены в полном согласии с остальными радикалами лишь к одному: чтобы преемником правительства Баттяни стало такое же твердое, но снова созданное самим государственным собранием правительство, в котором, помимо либеральных политиков, заняли бы место и радикалы. В создавшихся условиях, когда всколыхнувшиеся 10 сентября народные массы еще в течение нескольких недель стояли за Петефи и его приверженцев и когда и сами либералы, осознавшие необходимость оборонительной войны,

оказались вынужденными признать справедливость как сделанных им ранее со стороны левого крыла предостережений, так и необходимость отныне сотрудничать с левыми. Это уже можно было попытаться осуществить. Так что 8 октября вступило в свои права в лице государственного Комитета обороны новое правительство, основанное на союзе либералов и радикалов, которое затем если и не смогло обеспечить окончательную победу революции, то превращением всей страны в единый боевой лагерь по крайней мере оказалось в состоянии достичь того, чтобы даже победившая в конце концов контрреволюция не посмела уничтожить многие основные завоевания революции. Более левого по сравнению с этим правительства реально и не могло быть создано в Венгрии в 1848 году.

И вот осенью 1848 года, после стольких неудач, и Петефи мог еще насладиться сознанием успеха. Однако этот новый успех именно потому, что более левого, чем Комитет обороны, правительства не могло быть создано в Венгрии в 1848 году, сразу же лишил его возможности какого-либо политического успеха в дальнейшем. Правда, теперь уже и новые политические неудачи тоже не угрожали величайшему венгерскому революционеру 1848 года. Ибо (словно он сам почувствовал, что на полях политических сражений ему больше не за что бороться) то оружие, которое Петефи взял в руки 15 марта, он сменил на клинок офицера армии гонведов вскоре же после вступления в свои права Комитета обороны. И тем самым этот человек, столь необходимый до сего времени венгерской политике, а теперь уже ставший лишним для нее, вступил на такой путь, идя по которому он уже был избавлен от опасности политической смерти.